

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

DOI: 10.31249/rsm/2021.03.01

Б.И. Нефедов

ПОНЯТИЕ «ПРАВИЛА» В ДОКТРИНЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВИЛАХ»

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с выяснением содержания понятия «правила», на которых базируется мировой порядок, применительно к доктрине «международного порядка, основанного на правилах» с точки зрения общей теории права и теории общего международного права. Особое внимание уделяется понятию и видам социальных норм, понятию международной нормативной системы, вопросам верховенства в ней норм права, понятию общественного порядка, правопорядка и видов мирового порядка (мирового общественного порядка, мирового (международного) правопорядка, и глобального мирового правопорядка). В статье доказывается, что юридически обязательными социальными нормами из всех видов норм международной нормативной системы являются исключительно нормы международного права, а единственными юридически общеобязательными нормами международного права для всех государств и иных субъектов международных межгосударственных отношений – исключительно нормы *jus cogens*, т.е. нормы общего международного права. Делается вывод о том, что всем требованиям понятия «правила», существующего в рамках доктрины «мирового порядка, основанного на правилах», из всех видов социальных норм международной нормативной системы отвечают исключительно указанные нормы общего международного права. Основной вывод статьи состоит в том, что доктрина «международного порядка, основанного на правилах», обосновывая существование неких правил поведения, которые не являются нормами международного права, но при этом считаются юридически обязательными для всех государств, фактически направлена на отказ от общепризнанного верховенства международного права в регулировании международных (межгосударственных) отношений. Ее целью является либо трансформирование уже существующих международно-правовых норм, либо, когда речь идет о глобальном мировом порядке, отмена или изменение основополагающих международно-правовых норм *jus cogens* общего международного права.

Ключевые слова: международный порядок, основанный на правилах; международная нормативная система; верховенство права; мировой порядок; нормы *jus cogens*.

Нефедов Борис Иванович – доктор юридических наук, доцент,
профессор департамента международных отношений
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: boris-nefedov@mail.ru
Researcher ID: F-4874–2016

Nefedov B.I. The concept of «rules» in the doctrine of «the world (international) order based on rules».

***Abstract.** The article analyzes problems related to the definition of the concept of «rules» on which the world order is based, concerning the doctrine of «international rules-based order», from the point of view of the general theory of law and the theory of general international law. Special attention is paid to the concept and types of social norms, the concept of the international regulatory system, the supremacy of the norms of law in it, the concepts of public order, legal order, and the types of world order (the world public order, the world (international) legal order, and the global world legal order). The article substantiates that these are exclusively the norms of international law that legally bind social norms among all kinds of the international legal system norms. In contrast, the only legally binding norms of international law for all states and other actors of international interstate relations are exclusively the jus cogens norms, i.e., norms of the general international law. Therefore, the conclusion was made that all the requirements of the «rules» concept existing within the doctrine of the «rules-based world order» of all types of social norms of the international regulatory system correspond exclusively to the abovementioned norms of international law. The main conclusion of the article is that the doctrine of the international rules-based order, substantiating the existence of specific rules of conduct, which are not the norms of international law, but at the same time are legally binding for all states, in fact, is directed at the refusal from the universally acknowledged supremacy of international law in the regulation of international (interstate) relations. It aims to either transform the already existing international legal norms or, when it comes to the global world order, cancel or change the fundamental international legal norms jus cogens of the general international law.*

***Keywords:** rules-based international order; international regulatory system; the supremacy of law; world order; jus cogens norms.*

Nefedov Boris Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor,
Professor Department of International Relations, National Research
University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: boris-nefedov@mail.ru
Researcher ID: F-4874–2016

Введение

Доктрина «rules-based international order», т.е. «международного порядка, основанного на правилах», была введена в широкий международный политический и дипломатический оборот в середине 90-х годов прошлого века.

В период «похолодания» в международных межгосударственных отношениях эта доктрина стала использоваться ведущими западными державами мира в качестве аргумента обвинения своих стратегических конкурентов и, прежде всего, России [см.: Тереза Мэй; EU will; и др.]. Одной из ее особенностей (кроме крайней политизированности) является отсутствие в современной науке и международной политической практике единого представления о том, что же представляет собой один из ее главных «компонентов» – те самые базисные «правила», на которых мировой порядок (или в его вариациях – «основанный на правилах международный порядок», «основанный на правилах глобальный порядок», «основанный на правилах многосторонний порядок», «основанная на правилах международная система» и др.), по мнению ее сторонников, должен базироваться. В настоящей статье мы попытаемся хотя бы частично исправить сложившуюся ситуацию.

Социальные нормы и правопорядок на национальном уровне

Поскольку вопросы регулирования общественных отношений различными социальными нормами в общей теории права разработаны более детально применительно к национальному уровню правового регулирования, прежде всего обратимся к широко известным и общепринятым выводам, сделанным именно в этой области правовой науки (тем более, что их никак нельзя признать излишне идеологизированными) и только после этого перейдем к уровню международному.

Начнем с того, что все созданные людьми *правила* можно условно разделить на две группы.

Первую группу составляют так называемые технические нормы, т.е. правила взаимодействия людей с природными ресурсами, техникой, орудиями труда и т.п. К ним также обычно относят правила выполнения определенных строительных работ, агротехнические нормы, технические стандарты и т.п. Понятно, что в нашем случае речь идет не о них.

Вторую группу составляют так называемые социальные нормы, целью которых является урегулирование общественных отношений, т.е. отношений с участием людей (физических лиц) и различных формируемых ими коллективов, путем установления для них тех или иных общих правил, образцов того, как они должны вести себя в обществе [Марченко 2016, с. 450–452; Общая теория 2018, с. 102–105]. Такие нормы регулируют волевые отношения, т.е. отношения, которые находятся под контролем сознания и воли участвующих в них субъектов и допускают возможность выбора ими своего поведения. При этом, естественно, само такое поведение должно поддаваться человеческому контролю и регулированию. Полагаем, что когда сторонники рассматриваемой доктрины говорят о «правилах», то речь идет именно

о социальных нормах, поскольку любые социальные нормы как раз и представляют собой *правила* поведения людей в обществе [Алексеев 1989, 216–217]. Так, норма права – это общеобязательное формально-определенное *правило* поведения, установленное или санкционированное государством, гарантируемое им. Нормы морали – это *правила* поведения, которые формируются в обществе на основе суждений о добре и зле, справедливости и несправедливости, о чести, совести, долге и т.п. Обычай – это *правила* поведения, исторически сложившиеся вследствие многократного повторения. Религиозные нормы представляют собой правила поведения, которые устанавливаются различными вероисповеданиями на основе соответствующих религиозных представлений и которые имеют обязательное значение для людей, исповедующих ту или иную веру и т.д. Аналогичный подход мы найдем при определении и других видов социальных норм (традиций и ритуалов, норм общественных организаций, норм политических партий, корпоративных норм и норм этикета, эстетических норм, норм малых групп (таких, как семья, дружеская компания, спортивная команда и т.п.), норм, устанавливаемых гражданско-правовым договором и т.д.

Другое дело, что разные виды социальных норм в значительной степени отличаются друг от друга. Они, например, по-разному устанавливаются, могут быть едины для всех членов общества (многие нормы права) и распространяться только на его часть (традиции, корпоративные нормы), могут по-разному регулировать одни и те же общественные отношения (нормы морали), являются различными по последствиям неисполнения их требований и т.д. Чтобы в этих условиях вся система нормативного регулирования общественных отношений в государстве не рассыпалась, в качестве ее цементирующего и объединяющего скелета, ее центральной части (как принято говорить – ядра) выступают нормы права, которые, в отличие от всех иных социальных норм, обладают признаком юридической обязательности и обеспечиваются государством. При этом во всех (правовых) государствах установлено верховенство права, которое на национальном уровне проявляется не только в равенстве всех перед законом, не только в том, что деятельность государственных органов и должностных лиц должна подчиняться праву, не только в установлении и осуществлении строгой иерархичности норм разных источников права и т.д. [см. подробнее: Доклад о верховенстве 2011], но и в том, что нормы права (установленные ими правила поведения) имеют верховенство над правилами поведения, установленными любыми другими социальными нормами.

И еще одна важная деталь. Правовые нормы, устанавливающие общеобязательные правила поведения и регулирующие наиболее важные общественные отношения в государстве (касающиеся принципиальных, основ конституционного строя, установленной системы государственных органов,

взаимоотношений государства, общества и личности, основ политической, правовой и экономической системы, системы мер обеспечения и защиты правопорядка в стране и др.), находят свое закрепление в конституции (Основном законе) государства, т.е. в особом нормативном правовом акте (иногда – актах), имеющем высшую юридическую силу.

Своеобразным показателем степени соответствия требований, установленных социальными нормами, их реальному исполнению выступают так называемые «порядки», которые как раз и представляют собой фактический *результат реализации* требований соответствующих социальных норм. Поскольку правила поведения в обществе устанавливаются разными по своей природе социальными нормами, то существуют и разные виды таких порядков. Так, порядок, отражающий результаты урегулирования общественных отношений *всеми* социальными нормами (т.е. являющийся результатом фактической реализации требований не только правовых норм, но и норм морали, обычаев, корпоративных, религиозных норм и др.) называют *общественным порядком*. Результат фактической реализации *только* правовых норм получил название *правопорядка*, который при этом выступает в качестве части (но только части) общественного порядка [Теория государства и права 2019, с. 533–537; Общая теория государства 2018, с. 202–204]. В то же время в рамках правопорядка на национальном уровне принято выделять *конституционный правопорядок* как результат фактической реализации наиболее общих, фундаментальных и единых для данного общества конституционных правовых норм [Голубева 2015, с. 29–31]. Состояние порядков определяется степенью исполнения или неисполнения тех или иных установленных в обществе правил поведения, в связи с чем эти порядки нуждаются в охране и укреплении.

И еще одно. Поскольку существует специфика распространения действия норм права во времени, пространстве и по кругу лиц, постольку можно говорить о состоянии правопорядка в тот или иной временной период, в той или иной сфере правового регулирования, на той или иной части государственной территории и т.п.

А теперь перенесем все эти общепризнанные в юриспруденции подходы на сферу регулирования международных общественных отношений.

Социальные нормы и виды порядков на международном уровне

Международные (в том числе межгосударственные) общественные отношения также регулируются различными видами социальных норм, всю совокупность которых принято называть *международной нормативной системой*. В эту систему входят нормы международного права, международной морали, международной вежливости, международные традиции, неправовые

международные обычаи, международные обыкновения, нормы так называемого мягкого права, международные договоренности, имеющие не нормативный, а индивидуальной характер [Тункин 1970, с. 76–81], религиозные нормы, нормы международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами [см.: Постановление Правительства 2003] и др. При этом (как и на национальном уровне) центральной частью международной нормативной системы, ее ядром и базисом являются нормы международного права, главными отличительными особенностями которых является то, что они (в конечном счете) всегда исходят от государств, что в них проявляется не индивидуальная, а согласованная государственная воля, что такие нормы являются формально-определенными, а также то, что предписания международно-правовых норм (так же, как и норм национального права) обладают юридически обязательным характером.

Среди международно-правовых норм выделяют нормы *общего международного права*. Их особенностью является то, что они обязательны для всех субъектов международных межгосударственных отношений, независимо от их вида, размера, политического значения, экономической или военной мощи и т.п., а также независимо от того, являются ли они участниками того или иного международного договора, в котором эти нормы закреплены. Что же это за нормы?

В соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. к *общеобязательным* международно-правовым нормам, составляющим указанное «общее международное право», относятся императивные нормы *jus cogens*, содержание которых включает в себя обязательства *erga omnes*, т.е. обязательства в отношении всего международного сообщества государств. При этом каждая такая норма «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» [Венская конвенция 1986].

Нормы *jus cogens* обязательны для всех субъектов международного права: для одних – как норма обязательного международного договора, а для других (тех, что в договоре, например, не участвуют) – как общепризнанный международно-правовой обычай, имеющий такую же обязательность, что и соответствующая договорная норма.

Примером таких международных договорных правовых норм, в частности, могут служить нормы, закрепленные в Уставе ООН, в том числе основные принципы международного права, обладающие высшей юридической силой и в совокупности с отраслевыми принципами международного права образующие понятие общепризнанных принципов этой правовой системы.

Здесь важно подчеркнуть, что юридически обязательными социальными нормами из всех видов норм международной нормативной системы являются исключительно нормы международного права, а единственными общеобязательными нормами международного права, отступление от которых является недопустимым для любых субъектов международных межгосударственных отношений являются исключительно нормы *jus cogens*, т.е. нормы *общего* международного права.

Как и на национальном уровне, на международном уровне существует верховенство международного права и между этими понятиями имеется много общего [см.: Верховенство права 2012, с. 35–43]. По крайней мере, и там и там требование верховенства права означает одно и то же: право должно соблюдаться (хотя на международном уровне это требование приобрело внешнее выражение в виде принцип *pacta sunt servanda* – договоры должны соблюдаться).

Верховенство права на международном уровне проявляется в довольно многочисленных формах [см. подробнее: Доклад о верховенстве 2011, с. 12], но мы выделим здесь только некоторые из них:

- нормы общего международного права обязательны для всех субъектов международных межгосударственных отношений, но иные международно-правовые нормы обязательны только для тех субъектов международного права, что признали их для себя в качестве таковых;

- никакое государство или иной субъект международного права не может быть «наказан» иначе как в установленном международным правом порядке и только за нарушение международно-правовых норм, являющихся для него юридически обязательными;

- деятельность всех международных организаций, их органов и иных организационных структур, создаваемых на основе международно-правовых норм, не должна противоречить международному праву;

- существует строгая иерархичность норм международного права (и его источников), на вершине «пирамиды» которых находятся нормы *jus cogens*, которые, повторимся, не должны нарушаться;

- нормы международного права имеют верховенство над нормами всех других видов норм (т.е. *правил* поведения) международной нормативной системы.

С точки зрения общей теории международного права мировые порядки на международном уровне также представляют собой фактический результат реализации требований соответствующих социальных норм международной нормативной системы (подходы к определению мирового порядка в политологии, экономических дисциплинах, социологии, политической философии, исторической науке и др. здесь не рассматриваются). Когда речь идет о порядке, который складывается как результат урегулирования международных

отношений всеми видами норм международной нормативной системы, следует говорить о *мировом общественном* (публичном) *порядке*, схожем с понятием «общественный порядок» на национальном уровне. Когда мы говорим о порядке, который возникает в результате урегулирования международных межгосударственных отношений нормами международного права следует использовать термин *мировой (международный) правопорядок* [Мовчан 1996, с. 16; Громько 2012, с. 18–32], аналогичный термину «правопорядок», применяемому на национальном уровне. Наконец, в том случае, когда речь идет о мировом порядке, который складывается в результате урегулирования основ международных межгосударственных отношений фундаментальными нормами общего международного права, то следует вести речь о *глобальном (общем) мировом правопорядке*, т.е. использовать термин, схожий по своему содержанию и статусу с понятием «конституционный правопорядок» на национальном уровне.

Отдельно подчеркнем, что для обозначения всех этих трех правовых явлений (и мирового общественного порядка, и мирового (международного) правопорядка, и глобального мирового правопорядка), несмотря на их принципиальные отличия, в доктрине, особенно в западной, применяется один и тот же термин – «мировой (международный) порядок», что не могло не привести в этот вопрос ужасной путаницы. Более того, полагаем, что именно это обстоятельство, прежде всего и привело к возникновению доктрины «rules-based international order».

Полагаем также возможным говорить о состоянии международного правопорядка в рамках тех или иных территорий, в той или иной сфере международно-правового регулирования или в тот или иной временной период. Так, международное право, как правовая система, состоит из большого числа подсистем и, например, в зависимости от пространственной сферы регулирования международных общественных отношений «можно выделить следующие типы международного порядка: глобальный (мировой); региональный; субрегиональный; международно-ситуационный; групповой; двусторонний. Каждый из них отличается от других степенью зрелости и механизмами поддержания» [Панченко 2008, с. 69].

В доктрине встречаются утверждения о том, что современный международный порядок не является единым и включает в себя несколько самостоятельных и, что важно, «равноправных» мировых порядков (правопорядков), как то экономический, информационный, правовой, экологический и иные, которые и приводятся в качестве образцов, основанных на правилах международных порядков [Chalmers 2019, р. 8]. Полагаем, однако, что во всех этих случаях мы имеем дело не с дроблением единого мирового порядка на самостоятельные составные части, а с определением состояния правопорядка в той или иной сфере международно-правового регулирования.

Базисные правила, на которых, согласно доктрине «rules-based international order», должен базироваться «мировой (международный) порядок»

Прежде всего (еще раз) следует отметить, что ни в доктрине, ни в дипломатической международной практике единого мнения о том, что же, собственно, представляют собой указанные базовые «правила» этого самого «мирового порядка, основанного на правилах», не сложилось. Более того, сторонники указанной концепции старательно избегают ответа на этот вопрос, постоянно используя указанную терминологию без какого-либо ее пояснения.

Ситуация усугубилась тем обстоятельством, что соответствующими исследованиями занимались, как правило, не юристы-международники, а многочисленные специалисты в области политологии, дипломатии, экономики, социологии, политической философии и др. В связи с этим не лишено любопытства высказывание по этому вопросу одного из самых известных представителей западной политической науки Г. Киссинджера: «Частые увещания, обращенные к прочим странам, призывы “внести посильный вклад”, играть “по правилам двадцать первого столетия” и быть “ответственными участниками процесса” в рамках общей системы координат отчетливо показывают, что не существует общего для всех представления об этой системе...» [Киссинджер 2015, с. 10], т.е. общего понимания этих самых «правил».

Тем не менее в отдельных работах приверженцев «rules-based international order» попытки определить понятие таких «правил» предпринимались. Приведем здесь одно из них, данное австралийскими сторонниками критикуемой концепции: «Международный порядок, основанный на правилах, в целом можно охарактеризовать как общее обязательство всех стран осуществлять свою деятельность в соответствии с согласованными правилами, такими как международное право, региональные механизмы безопасности, торговые соглашения, иммиграционные протоколы и культурные договоренности, которые развиваются с течением времени» [The United Nations 2015, p. 7]. Как видим, базовой основой такого порядка служит совокупность самых разнообразных норм, причем (подчеркнем это) как правового, так и не правового характера. Неслучайно один из известнейших западных политологов Петер Харрис после безуспешных попыток определить базовую основу мирового порядка, основанного на правилах, вынужден был прийти к выводу, что «истина заключается в том, что международный порядок – это беспорядочный, спорный и часто противоречивый набор предполагаемых правил и ожиданий; он, безусловно, не обеспечивает четкого и ясного набора принципов, которые могут быть объективно применены мировыми лидерами. Вместо этого международный порядок предлагает целый ряд нормативных предписаний, которые государственные деятели могут использовать и используют

для оправдания совершенно различных стратегий, как либеральных, так и явно нелиберальных» [Harris 2015].

Но поскольку из единичных высказываний подобного рода общего вывода сделать нельзя, для того, чтобы все-таки как-то определить сущность «правил», на которых, по мнению сторонников указанной концепции, должен базироваться «мировой порядок» и исполнения которых можно требовать от государств и других субъектов международных межгосударственных отношений, первоначально пойдем, как говорят математики, «от противного» и попытаемся самостоятельно сформулировать самые общие требования к этим самым «правилам», которым все они, по логике вещей, вроде бы должны обязательно соответствовать.

Во-первых, полагаем, что под этими правилами имеются в виду некие *социальные нормы*, способные регулировать международные отношения.

Во-вторых, требования таких норм должны быть четко, понятно и недвусмысленно сформулированы. Условно: «не убий...», «не укради...», «не возжелай...» и т.п., а также, во избежание проблем с их толкованием, иметь письменную форму. Иными словами, эти правила должны быть *формально определенными*.

В-третьих, в силу существования государственного суверенитета эти правила не могут быть навязаны акторам межгосударственных отношений какой-то надгосударственной силой (тем более, что ее, слава Богу, не существует) или быть результатом односторонних велений какого-либо одного государства, пусть и самого мощного в экономическом и военном отношении. Иными словами, они должны быть *результатом межгосударственных договоренностей*.

В-четвертых, эти правила должны быть *обязательными* для данного государства в силу либо его *согласия* на это, выраженного «в форме общепринятых процедур», либо в силу принадлежности соответствующих норм к нормам *jus cogens*.

В качестве пятого признака можно признать формулировку, высказанную министром иностранных дел Ирландии Б. Коуэном в его выступлении на конференции по разоружению в Женеве в 2004 г.: «A rules-based system is one respected by all» (система, основанная на правилах – это та, которую уважают все) [Conference on Disarmament 2004, p. 10]. То есть эти правила должны обладать *признаком общепризнанности*. При этом можно только согласиться с тем, что «наиболее авторитетными правилами, на которых базируется глобальный порядок, являются именно те, которые согласованы между государствами и имеют юридически обязательный статус» [Jorgensen 2018].

Но единственными социальными нормами международной нормативной системы, отвечающими всем этим требованиям, являются исключительно нормы международного права, а применительно к глобальному правопорядку –

нормы общего международного права. Других «правил», направленных на урегулирование международных (в том числе межгосударственных) общественных отношений и одновременно отвечающих признакам формальной определенности, общеобязательности, общепризнанности и при этом быть следствием межгосударственных договоренностей, просто не существует.

Как тут не вспомнить слова знаменитого отечественного юриста-международника Ф.Ф. Мартенса: «Ни идея разобщенности, ни идея преклонения перед физической силой, ни идея политического равновесия, ни, наконец, принцип национальности не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Ее руководящее начало – идея права» [Мартенс 2008, с. 26].

Если же отступить от этих требований, то речь может идти только о мировом *общественном* порядке, но в этом случае отсутствует признак общеобязательности всех регулирующих международные отношения норм, исполнения большинства которых в этом случае просто нельзя требовать.

Почему-то на национальном уровне в подобных ситуациях никаких вопросов не возникает. Так, в соответствии с положениями ислама каждый совершеннолетний мусульманин должен совершать намаз, т.е. пять раз в день произносить молитвы. Это – религиозная норма (т.е. правило поведения) и она участвует в урегулировании соответствующих общественных отношений. Но никому в голову не придет с пафосом возмущаться поведением, например, христианина (или атеиста), который вовсе не рассматривает это правило поведения для себя обязательным, тем более что оно и не обладает юридической обязательностью.

Основная проблема доктрины «rules-based international order» как раз и состоит в том, что ее сторонники, говоря о мировом порядке, имеют в виду вовсе не мировой *общественный* порядок, а мировой *правопорядок* или (что бывает значительно чаще) *глобальный* мировой правопорядок, в рамках которых речь может идти исключительно о реализации норм международного или общего международного права. Следствием этой ситуации является то, что несмотря на дискуссию, продолжающуюся более двух десятилетий, ни один из сторонников указанной доктрины не дает ответа на вопросы о том, какие же именно «правила» (помимо международно-правовых норм) должны соблюдаться, каков механизм разработки и утверждения этих правил, каковы формы обеспечения их исполнения, а главное – чем же отличается мировой порядок, основанный на правилах (rule-based) от мирового порядка, основанного на праве (rule of law).

Поскольку дальше призывов «снять с порядка, основанного на правилах, облако двусмысленности» [Ng 2019] ситуация за все эти годы ни по одному из указанных вопросов так и не прояснилась, попытаемся ответить на некоторые из них в рамках настоящей статьи.

Так, исходя из контекста использования сторонниками критикуемой доктрины понятия «rules-based international order» допустимо сделать выводы о том, что:

– основанный на правилах мировой порядок означает, что государства в своей деятельности должны руководствоваться неким сводом правил, четкого перечня которых не существует;

– этот перечень является более широким по сравнению с перечнем правил поведения, установленных международным правом, не говоря уже о правилах поведения, установленных общим международным правом;

– в указанный перечень включаются в качестве юридически обязательных правил поведения те или иные (в зависимости от представлений того или иного автора) *неправовые* социальные нормы международной нормативной системы, в том числе юридически необязательные политические положения, существующие в виде так называемого «мягкого права» и даже правила, установленные не субъектами международного права;

– в число таких обязывающих государства «правил» входят, в том числе, нормы международного права, не являющиеся юридически обязательными для данного государства.

Здесь следует согласиться с тем, что «термин «порядок, основанный на правилах» стирает различие между обязательными и необязательными правилами, создавая впечатление, что все государства и международные субъекты должны подчиняться этому порядку, независимо от того, согласились ли они с этими правилами или нет» [Talmon 2019]. Вопрос о том, как при этом быть с положениями таких основных принципов современного международного права, как суверенное равенство государств, воздержание от угрозы силой или ее применения, невмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию других государств и др., остается без вразумительного ответа.

Неудивительно, что «аспектом многочисленных мнений о смысле и важности «основанного на правилах мирового порядка» стало «относительное молчание в этом вопросе юристов-международников». Кому же захочется продемонстрировать кроме политической лояльности еще и профессиональную безграмотность?

И еще одно. Если международный порядок, основанный на правилах, не требует согласия с этими правилами тех, кто должен будет их исполнять, то не только у отечественных, но и у зарубежных авторов «возникает вопрос о том, кто в конечном счете устанавливает эти правила и определяет их содержание?» [Talmon 2019]. Здесь следует согласиться с тем, что это никак не может быть «воля немногих (западных) государств», поскольку в таком случае мировой порядок неизбежно «может стать порядком сильного» [Talmon 2019].

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Является бесспорным тот факт, что, вступая в международные (межгосударственные) общественные отношения, все субъекты таких отношений (в том числе государства) должны руководствоваться определенными правилами. При этом юридически обязательными такими правилами могут быть исключительно правила поведения, установленные нормами международного права. Никаких других юридически обязательных «правил» не международно-правовой природы, о которых говорит доктрина «международного порядка, основанного на правилах», не существует. При этом качеством обязательности для каждого конкретного государства обладают не все нормы международного права, а только те из них, что данное государства либо признало для себя в качестве таковых, либо те, что являются обязательными для исполнения всеми государствами в силу императивного характера их требований (нормы *jus cogens* общего международного права).

2. Многие сторонники доктрины мирового порядка, основанного на правилах, не осознают, что когда они призывают создать международный порядок, основанный на правилах, а также изменить или отменить такие правила, то они фактически призывают к созданию новых, изменению или прекращению действия уже существующих международно-правовых норм. Когда же они заявляют о необходимости разработки новых базисных «правил» для глобального мирового правопорядка, то независимо от того, что они сами об этом думают, они фактически призывают не к соблюдению каких-то мифических «правил игры», а предлагают отменить, изменить или «дополнить» не что иное, как нормы Устава ООН или иные основополагающие международно-правовые нормы *jus cogens* общего международного права.

3. Являются взаимоисключающими заверения в своей приверженности верховенству международного права и утверждения о том, что существуют некие «правила» не международно-правовой природы, которые могут изменить, отменить и даже заменить любые нормы международного права, в том числе нормы *jus cogens* общего международного права. Поэтому в том случае, когда отдельные сторонники доктрины «rules-based international order» настоятельно требуют исполнения (соблюдения) вместо норм международного права (в том числе норм *jus cogens*) неких «умышленно неюридических, ни к чему не обязывающих “мертвых” правил» [Воронин 2020, с. 94], то это не может быть расценено иначе как попытка отказа от общепризнанного на сегодняшний день верховенства международного права в регулировании международных отношений.

Библиография

- Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит. 1989. 288 с.
- Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1986. № 37. Ст. 772.
- Верховенство права: Руководство для политиков. 2012. Лунд; Гаага: Институт по правам человека и гуманитарному праву и Гаагский институт по интернационализации права. 2012. 45 с.
- Воронин Е.Р. Либеральный порядок, основанный на «правилах», и международное право // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 88–95.
- Голубева Л.А. Конституционная законность и конституционный правопорядок: содержание терминов // Теория и практика современной юридической науки. Сборник научных трудов. Самара, 2015. № 2. С. 29–31.
- Громыко А.А. Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 18–32.
- Доклад о верховенстве права Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы. Принято на 86 пленарном заседании Венецианской Комиссии (Венеция, 25–26 марта 2011 года. Страсбург, 2011. 4 апр. 19 с. URL: https://www.studmed.ru/view/evropeyskaya-komissiya-za-demokratiyu-cherez-pravo-venecianskaya-komissiya-doklad-o-verhovenstve-prava_9a4197356bd.html (дата обращения 12.12.2020).
- Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 226 с.
- Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Том 1. М.: Зерцало. 2008. 209 с.
- Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016. 640 с.
- Мовчан А.П. Международный правопорядок. М.: ИГиП РАН. 1996. 102 с.
- Общая теория государства и права: учебник / Под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт. 2018. 392 с.
- Панченко М.Ю. Международный порядок: сущность и механизмы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 9. С. 68–77.
- Постановление Правительства РФ от 07.02.2003. № 79. «Об подготовке и подписании международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 февраля 2003 г. № 7 ст. 647. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40980/ (дата обращения 12.12.2020).
- Теория государства и права: учебник для вузов / Под ред. В.К. Бабаева. 4-е изд., М.: Юрайт, 2019. 582 с.
- Тереза Мэй «даст Путину понять» свои ожидания по Солсбери // ИноТВ. 2019. 28 июня. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-06-28/Sky-News-Tereza-Mej-dast> (дата обращения 12.12.2020).
- Тункин Г.И. Теория Международного права. М.: Зерцало. 1970. 416 с.
- EU will remain point of reference for rules-based global order, says Mogherini in State of the Union address European External Action Service (europa.eu). News stories. 14/05/2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44484/node/44484_en (дата обращения 12.12.2020).
- Conference on Disarmament. Final record of the 951 st Plenary Meeting. 2004. 16 March. CD/PV. 951. United Nations. 2004. 33 p.
- Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System». London: Royal United Services Institute. 2019. 52 p.

Harris P. Losithe International Order: Westphalia, Liberalism and Current World Crises. The National Interest. 2015. URL: <https://nationalinterest.org/feature/losing-the-international-order-westphalia-liberalism-current-14298> (дата обращения: 12.12.2020).

Jorgensen M. International law cannot save the rules-based order // The Interpreter. 2018. 18 Dec. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/international-law-cannot-save-rules-based-order> (дата обращения: 12.12.2020).

Ng J. Unpacking The «Rules-Based Order» (news-front.info). RSIS (Rajaratnam School of International Studies) Commentary. 2019. 12 March. URL: <https://en.news-front.info/2019/03/15/unpacking-the-rules-based-order/> (дата обращения: 12.12.2020).

Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 2019. 20 Jan. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 12.12.2020).

The United Nations and the rules-based international order. United Nations Association of Australia. 2015. P. 7–12. (24 p.) URL: https://www.unaa.org.au/wp-content/uploads/2015/07/UNAA_RulesBasedOrder_ARTweb3.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

References

Alekseev S.S. Obshhie dozvoleniya i obshhie zaprety` v sovetskom prave. [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law] М.: Yurid. lit. 1989. 288 p. (In Russ.)

Conference on Disarmament. Final record of the 951 st Plenary Meeting. 2004. 16 March. CD/PV. 951. United Nations. 2004. 33 p.

Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System». London: Royal United Services Institute. 2019. 52 p.

Doklad o verhovenstve prava Evropejskoj komissii za demokratiyu cherez pravo (Venecijskoj komissii) Soveta Evropu` [Report on the rule of law of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) Council of Europe]. Strasburg, 04.04.2011. 19 p. URL: https://www.studmed.ru/view/evropeyskaya-komissiya-za-demokratiyu-cherez-pravo-venecijskaya-komissiya-doklad-o-verhovenstve-prava_9a4197356bd.html (date of access: 12.12.2020). (In Russ.)

EU will remain point of reference for rules-based global order, says Mogherini in State of the Union address European External Action Service (europa.eu). News stories. 14/05/2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/44484/node/44484_en (date of access: 12.12.2020).

Golubeva L.A. Konstitucionnaya zakonnost` i konstitucionny`j pravoporyadok: sodержanie terminov [Constitutional legality and constitutional legal order: the content of terms]. Teoriya i praktika sovremennoj yuridicheskoy nauki. Sbornik nauchny`x trudov N 2. [Theory and practice of modern legal science. Collection of scientific papers N 2]. Samara. 2015. S. 29–31. (In Russ.)

Gromyko A.A. Mirovoj porjadok ili pravoporjadok? [World Order or World Legal Order?] // Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]. 2012. Vol 3, N 2(8). P. 18–32. (In Russ.).

Harris P. Losithe International Order: Westphalia, Liberalism and Current World Crises. The National Interest. 2015. URL: <https://nationalinterest.org/feature/losing-the-international-order-westphalia-liberalism-current-14298>. (data of access: 12.12.2020).

Jorgensen M. International law cannot save the rules-based order // The Interpreter. 2018. 18 Dec. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/international-law-cannot-save-rules-based-order> (data of access: 12.12.2020).

Kissindzher G. Mirovoj porjadok [World order]. М.: AST. 2015. 226 p. (In Russ.)

Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovanny`x narodov [Modern International Law of Civilised Nations]. V 2 t. Tom 1. М.: Zerczalo. 2008. 209 p. (In Russ.)

Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Theory of state and law: textbook]. M.: Prospekt. 2016. 640 p. (In Russ.)

Movchan A.P. Mezhdunarodny'j pravoporyadok [International legal order]. M.: Izd-vo IGI P RAN. 1996. 102 p. (In Russ.)

Ng J. Unpacking The «Rules-Based Order» (news-front.info). RSIS (Rajaratnam School of International Studies) Commentary. 2019. 12 March. URL: <https://en.news-front.info/2019/03/15/unpacking-the-rules-based-order/> (data of access: 12.12.2020).

Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [General theory of State and law: textbook] / Pod red. S.Yu. Naumova, A.S. Mordovtza, T.V. Kasaevoy. Saratov. 2018. 392 p. (In Russ.)

Panchenko M.Yu. Mezhdunarodny'j poryadok: sushhnost' i mexanizmy' [International order: essence and mechanisms]. Zhurnal nauchny'x publikacij aspirantov i doktorantov [Journal of scientific publications of postgraduates and Doctoral students]. 2008. N 9. P. 68–77. (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva RF [Resolution of the Government of the Russian Federation of February] ot 07.02.2003. N 79 «Ob podgotovke i podpisanii mezhdunarodny'x mezhpravitel'stvenny'x aktov, ne yavlyayushhixsya mezhdunarodny'mi dogovorami Rossijskoj Federacii» [«On the preparation and signing of international intergovernmental acts that are not International treaties of the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. [Collection of Legislation of the Russian Federation] 17 fevralya 2003 g. N 7 st. 647. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40980/(date of access: 12.12.2020). (In Russ.)

Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 2019. 20 Jan. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (data of access: 12.12.2020).

Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov [Theory of State and Law: textbook for universities]. pod red. V.K. Babaeva. 4-e izd., M.: Yurajt, 2019. 582 p. (In Russ.)

Tereza Me'j «dast Putinu ponyat'» svoi ozhidaniya po Solsberi [Theresa May will «let Putin understand» her expectations for Salisbury]. Original novosti InoTV [Original news InoTV]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-06-28/Sky-News-Tereza-Mej-dast> (date of access: 12.12.2020). (In Russ.)

The United Nations and the rules-based international order. United Nations Association of Australia. 2015. P. 7–12. (24 p.) URL: https://www.unaa.org.au/wp-content/uploads/2015/07/UNAA_RulesBasedOrder_ARTweb3.pdf (data of access: 12.12.2020).

Tunkin G.I. Teoriya Mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]. M.: Zerczalo. 1970. 416 p. (In Russ.)

Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodny'x dogovorov ot 23 maya 1969 g. [Vienna Convention on the Law of International Treaties of May 23, 1969]. Vedomosti S'ezda narodny'x deputatov SSSR i Verxovnogo Soveta SSSR, [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. 1986. N 37. St. 772. (In Russ.)

Verhovenstvo prava: Rukovodstvo dlya politikov [The Rule of Law: A Guide for Politicians] 2012. Lund. Gaaga. Institut po pravam cheloveka i gumanitarnomu pravu i Gaagskij institut po internacionalizacii prava. [Institute for Human Rights and Humanitarian Law and The Hague Institute for the Internationalization of Law]. 2012. 45 p. (In Russ.)

Voronin E.R. Liberal'ny'j poryadok, osnovanny'j na «pravilax», i mezhdunarodnoe pravo [Liberal order, based on «rules», and international law]. Mezhdunarodnaya zhizn [International Affairs]. 2020. N 2. P. 88–95. (In Russ.)